

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свобода в пределах философской рефлексии обычно задается как одно из самых трудоемких и проблематичных понятий и скорее предстает в виде собрания парадоксов и головоломок, чем стройного и ясного концепта. Трудно обнаружить такую философскую систему, которая предлагала бы непротиворечивое и исчерпывающее решение проблемы свободы. Это обстоятельство доставляет некоторое беспокойство самим философам и нередко вызывает упреки тех, кто привык получать ясные и недвусмысленные ответы. Однако, наибольшее неодобрение философия вызывает у тех, кто намерен действовать, а не теоретизировать. Их неудовольствие вполне понятно — оно связано с тем, что зачастую философские симпозиумы и обсуждения выглядят как своего рода академически обставленная капитуляция перед очевидностью прямого и открытого действия. Завоевания свободы всегда связаны с риском и, как говорил Гегель, со «смертельным риском», а потому перевод проблемы недостатка или отсутствия свободы в относительно безопасный и лояльный философский разговор хоть и позволяет существенно снизить подобные опасности, тем самым несколько обесмысливает само интеллектуальное действо. Вместе с тем для того, чтобы непосредственно действовать, например, сражаться за свободу посредством естественной гражданской активности, как кажется, не требуется никакой философии — простота человеческой потребности в свободе не нуждается в лукавых хитросплетениях сугубо умозрительных конструкций. Для того, чтобы выразить протест против коррумпированности власти или несоблюдения законов требуется скорее сила воли и личная отвага, нежели детальное знание тонких философских аргументов. Означает ли это, что для того, чтобы быть гражданином философия не нужна, а для того, чтобы быть философом не обязательно состояться в качестве гражданина? Эта книга является своего рода попыткой дать

ответ на этот вопрос, попутно продемонстрировав, что серьезная философия возможна только в случае, если она намерена реализоваться практически, а практика может быть реалистичной, если она учитывает идейный и смысловой контекст, в котором свершается. Иными словами, продуктивна та философия, которая готова перейти от слов к делу и осмысленно то действие, которое вначале реализовалось как усилие мысли.

Проблема свободы, которая легла в основу этой монографии является наилучшим подтверждением оправданности такой стратегии. Рассуждения о свободе в условиях ее всестороннего отсутствия совершенно бессмысленны, но порыв в сторону немедленного освобождения без понимания того, как это могло бы выглядеть, попросту небезопасен. И хотя заявленное книгой начинание соизмерить философию со свободой, не было вполне реализовано, оно служило некой «регулятивной идеей» и тем самым, как кажется, все-таки сыграло свою положительную роль.

Композиционно монография состоит из трех тематических разделов, что соответствует разнородности тех смысловых измерений, в которых свобода может быть проблематизирована. Первый раздел посвящен истории, второй — теории, третий — практике свободы. Раздел истории, во многом, связан с практическим срезом: разговор о практике наиболее уместен с учетом исторической ретроспективы. В разделе теории представлены некоторые из наиболее ключевых философских линий рефлексии понятия свободы, характерных для современной мысли. Наконец, практический раздел призван поспособствовать диалогу между философией и современным обществом, отчасти посредством философии, а отчасти и независимо от нее. В определенном смысле, несмотря на название данной книги, роль философии не сводится здесь к репрессивной, т. к. в ряде случаев свободе было позволено оставаться свободной от философии.

Д. Э. Гаспарян